

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Я буду метаться по табору улицы темной

Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью, нет — с муравьиной кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой,
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

Но все же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

И только и свету, что в звездной колючей неправде,
А жизнь проплывет театрального капора пеной;
И некому молвить: "Из табора улицы темной..."

Весна 1925

OSIP MANDELSTAM

I'll rush along a gypsy camp of a dark street

translated by Ian Probstein

I'll rush along a gypsy camp of a dark street
In a black spring carriage chasing a bird cherry branch,
A hood of snow, an eternal noise of the mill . . .

I only remember the misfire of auburn locks,
Smoked with bitterness—no, with a touch of ant's acid
That leaves amber dryness on the lips.

In such moments the air seems brown
And eye rings are covered with a light edging;
And all that I learned about a rosy-apple skin . . .

Yet the sledges of sleighs slightly screeched,
And prickly stars looked down at the wicker rag
While the hooves struck with intervals at the frozen keys.

The only light is that of starry prickly lies,
And life will float by as the foam of a theater bonnet,
But there's no one to say: "From a gypsy camp of a dark street . . ."

Spring 1925